

Г. С-т. Чехов и Перец // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1953. 28 июня. № 15037. С. 4, 5.

Чехов и Перед

Выходящий в Нью-Йорке ежемесячник «Идише Култур» («Еврейская Культура»), в своем июньском номере, приводит, малоизвестный широкой читающей публике, литературный эпизод, связанный с именами Чехова и большого еврейского писателя И. Л. Перца.

Быть может не все помнят замечательный рассказ Чехова «Без заглавия», впервые в форме «сказки» напечатанный в новогоднем номере «Нового Времени» в 1888 году.

— Однажды ночью — рассказывает Чехов — в ворота монастыря, находившегося в пустыне, в ста верстах от ближайшего человеческого жилья, постучался человек, оказавшийся горожанином и самым обыкновенным «грешником, любящим жизнь».

Напившись и наевшись, пришелец оглядел монахов, которые прислуживали ему, покачал укоризненно головой и сказал:

— Ничего вы не делаете, монахи! Только и знаете что едите да пьете. Разве так спасают душу? Подумайте: в то время как Вы сидите тут в покое, едите, пьете и мечтаете о блаженстве, Ваши ближние погибают и идут в ад. Одни умирают с голоду, другие, не зная куда девать свое золото, топят себя в разврате и гибнут, как мухи, вязнущие в меду! Нет в людях ни веры, ни правды! Чье же дело спасать их? Чье дело проповедывать? Не мне-ли, который от утра до вечера пьян? Разве смиренный дух, любящее сердце и веру Бог дал нам на то, чтобы Вы сидели здесь в четырех стенах и ничего не делали?

Самое сильное впечатление слова «горожанина» произвели на настоятеля, «чуждого» старика, обладавшего необычайным даром. Он с большим искусством играл на органе, сочинял латинские стихи и обладал большим даром слова.

— Братья — сказал настоятель монахам — в самом деле, бедные люди по неразумию и слабости гибнут в пороке и неверии, а мы не двигаемся с места, как будто это нас не касается. Отчего-бы мне не пойти и не напомнить им о Христе, которого они забыли?

На второй день настоятель взял свою трость, простился с братией и отправился в город. Вернулся он только три месяца спустя состарившимся и похудевшим. При первой встрече со своей братией настоятель горько заплакал и не сказал ни слова. Лицо его было утомлено и выражало глубокую скорбь. Он заперся в своей келье, семь дней сидел у себя, ничего не ел, не пил,

не играл на органе и плакал.

Когда он, на восьмой день, наконец, вышел к монахам он, «с выражением скорби и негодования» начал им рассказывать о том, что с ним в эти три месяца произошло. По «несчастной случайности» первое жилище, в которое он вошел в городе, был дом разврата. С полсотни человек, имеющих много денег, ели и без меры пили вино, пели песни и смело говорили страшные, отвратительные слова, которых не решился сказать человек, боящийся Бога; на столе среди пировавших — рассказывал настоятель дальше — стояла полунагая блудница.

Трудно представить себе и найти в природе что-нибудь более прекрасное и пленительное. Эта гадина, молодая, длинноволосая, смуглая, с черными глазами и с жирными губами, бесстыдная и наглая, оскаливала свои белые как снег зубы и улыбалась, как будто хотела сказать: «Поглядите какая я наглая, какая красавица». Щелк и парча красивыми складками спускались с ее плеч, но красота не хотела прятаться под одеждой, а как молодая зелень из весенней почвы жадно пробивалась сквозь складки. Наглая женщина пила вино, пела песни и отдавалась всякому, кто только хотел.

Старик, гневно потрясая руками, описал конские ристалища, бой быков, театры, мастерские художников, где пишут и лепят из глины нагих женщин. Говорил он вдохновенно, красиво и звучно, точно играя на невидимых струнах, а монахи оцепеневшие, жадно внимали его речам и задышали от восторга...

Когда настоятель на другое утро вышел из кельи, в монастыре не осталось ни одного монаха. Все они бежали в город.

Этот рассказ Чехова, повидимому, произвел сильное впечатление на И. Л. Перца, одного из трех «отцов» ново-еврейской литературы конца прошлого и начала нынешнего века (Другие два — С. Я. Абрамович-Менделе, Мохер Сфорим, которого титулуют «дедушкой еврейской литературы», и Шолом Алейхем, писатель большой литературной самобытности и яркой оригинальности). В те годы 1900 — 1901 Перец собирал материалы для своих «Рассказов в народном духе», прославивших его имя в еврейской литературе. Сюжет «Без заглавия» давал Перца на мысль переложить чеховский рассказ, сделать его близким и понятным еврейскому читателю.

В простом, дословном переводе «Без заглавия» с русского на идиш, Перец не видел смысла. В еврействе нет и не было монастырей и монахов, оторвавшихся от мирской суеты, и проводивших свои дни в молоте и молитве за оградой монастырских стен. Монастырский быт, служащий фоном чеховского рассказа, еврейскому читателю чужд и непонятен. Перец решил, сохранив основной скелет и структуру чеховского рассказа перенести фабулу «Без заглавия» в легендарный «лесной нешибот», находящийся вдали от мирской суеты, и отгороженный высоким частоколом.

Днем и ночью сидели там юноши за толстыми фолиантами, изучая Талмуд, углубляясь в законодательные премудрости Мишны, в казуистику Гемары, в Галаху и Агаду. Зимой они пребывали в кельях, летом располагались в лесу, каждый юноша — на особом пне. Если в нешибот приезжал новый ученик, «очередное» дерево само раскалывалось, ствол падал на землю, оставляя пень для новоприбывшего.

Питались грибами, кореньями, лесными грибами, земляникой. В кануны суббот и годовых праздников у нешибота появлялись бараны, которых сам ректор, глава нешибота, резал по правилам еврейского ритуала убой птицы и скота, чтобы нешиботники могли вкушать по праздникам кошерное мясо. В будни они проводили дни и ночи за фолиантами Талмуда, изредка развлекаясь рассказами ректора о чудесах Божьего мира.

Однажды у ворот нешибота появился посторонний. Ректор его сухо принял и, не вступая с ним в беседу, усадил гостя за стол, дав ему в руки фолиант Талмуда. Обычное чудо, когда дерево раскалывается, ствол падает на землю, оставляя пень для новоприбывшего, на сей раз, однако, не свершилось.

— Я, не отшельник, Учитель! — заявил пришелец. Я всего лишь скромный портной из соседнего села. На вопрос ректора каким образом ему удалось перебраться через столь высокий частокол, окружающий здание нешибота, гость ответил, что никакого плетня не видел. В своем селе, рассказал портной, он остался без работы и решил перебраться в другое село. Он подался туда, по дороге от усталости уснул, проснувшись услышал собачий лай, бросился удирать в лес. Когда собака схватила его за ногу, он сделал прыжок и... очутился во дворе нешибота, прямо у ног ректора.

— Брат мой! — сказал ректор — нешибот ведь окружен таким высоким забором, что не пробраться через него ни человеку, ни зверю. Если ты очутился здесь, не «заметив» преграды — то не спроста это. И деревня та не была деревней и собака не была собакой. Была в том рука Божья. Садись, брат мой, возьми в руки фолиант и потрусь в лебри Мидраша и Гемарры!

Услыша слова ректора одно из деревьев стало раскалываться, готовя пень для пришельца. Тот, однако, ответил ректору, что он и не помышляет о том, чтобы засесть за науку тут, в лесном нешиботе.

— Никакой это подвиг с Вашей стороны — стал он укорять молодых нешиботников — сидеть в густом лесу, не имея никаких забот о насущном хлебе, и предаваться изучению Талмуда. Идите лучше в город и займитесь там спасением грешных душ! Вы хотите ускорить пришествие Мессии? Напрасный труд! Вы, 20-30 юношей, шьете тут мантию для Мессии, а там в городе тысячи, своей греховной жизнью, распарывают то, что Вы шьете!

Портной стал рисовать пен- дать каждому свое тело. Все ред нешиботниками Содом и катится в ад, чем поможет тут Гоморру городской жизни, ревностное изучение Торы? людскую погоню за наживой, Ректор и нешиботники слуготворности мужчин продать ищи страстную речь беработдушу дьяволу за мирские благо-ного портного, понурия голо-га, готовность женщин про- (Окончание на 5-й странице)

ЧЕХОВ И ПЕРЕЦ

(Начало на 4-й стр.)

вы. — Постом и молитвой — говорил он мира не спасешь! Если Вы действительно хотите ускорить пришествие Мессии — послушайте моего совета деревенского портного: или станьте все поголовно соучастниками греховной жизни города чтобы не осталось больше ни одного праведника на земле, или же отправляйтесь в город, проповедуйте добро, обращайтесь грешных на путь истинный, и тогда и они, как и Вы, станут праведниками. А пока, неожиданно закончил он свою речь будьте здоровы! Собака меня вероятно уже где-то дожидается! Сказал и... исчез.

Взволнованные иешиботники стали обсуждать случившееся. Ректор дал знак рукой, что он хочет говорить. — Он прав, этот портной, если это не был сам Илья Пророк. Он указал нам путь спасения, показал, что прежде всего мне нам, следует делать. Ректор велел подать ему посох. — Я пойду в город, сделаю то, что портной сказал, попытаюсь бороться с соблазном, а Вы тут продолжайте изучение Торы и молитесь за меня Всевышнему!

Четыре раза подряд юноши освятили новолуние пока, на пятом месяце, ректор неожиданно появился во дворе иешибота. Рукой он дал знать ученикам, чтобы его оставили в покое. Он забрался в свою келью, семь дней провел там в посте и молитве. На восьмой день вошел к ученикам.

— Воистину, Содом и Гоморра! — резюмировал он пе-

режитое. Всхлипывая, рассказывал он о пире, свидетелем которого ему пришлось быть. Пировали женщины и мужчины, вставали, не поблагодарив Господа за то, что накормил их досыта. Беседовали не о Торе, а говорили блудные слова на разных наречиях.

Грешницы, обнажив свои престли, обносили пировавших вином и пенным пивом. Курили и женщины, которых одна щипала, другие — целовали. Одна из блудниц и его ректора ласкала, заверив его, что она любит стариков, и что ей его седая борода нравится.

Она совратила меня — сказал всхлипывая старик — я убежал от нее в лес, проделав там очистительные омовения. Возможно что Вы, юноши, плохо за меня молились!

Идите спать, дети мои, уже поздно! Завтра на рассвете я Вас разбужу. Будем вместе молиться. В город я больше не пойду. Для этого нужно быть истинным праведником. В посте и молитве будем просить Всевышнего о прощении грехов и об исправлении. До завтра, дети мои!

Когда ректор на завтра проснулся он оказался один в иешиботе. «Дети» все ушли в город. — Может, прости Господи, оказаться что нет больше праведников на земле, что все мы грешны многогрешны!..

В таком виде этот переделанный на еврейский лад чеховский рассказ, был напечатан Перцем в 1901 г. Любопытно, что в переделке Перца чеховский рассказ вышел по размеру вдвое пространнее.

Г. С-т.